

УДК 821.161.1–1
DOI 10.23951/1609–624X-2017-2-108-113

ОБРАЗ КРОКОДИЛА В КОНТЕКСТЕ АНИМАЛИСТИКИ СОВРЕМЕННОЙ СИБИРСКОЙ ПОЭЗИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

А. Н. Губайдуллина

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

В XX в. в детской литературе складывается своя «крокодилиада», основоположником которой стал К. И. Чуковский. Во второй половине столетия авторы детских стихотворений неоднократно обращаются к этому образу: анималистический экзотизм отражает стремление поэзии к выражению абсурда, парадоксальности. Новая детская поэзия сибирских авторов использует этот экзотизм в рамках имагологического конфликта, отказываясь от зоологического правдоподобия образа.

Ключевые слова: *современная поэзия для детей, сибирская поэзия, анималистика, образ крокодила.*

Образ крокодила – один из устойчивых экзотизмов русской литературы в целом – к настоящему времени стал привычной константой литературы для детей. Конечно, в первую очередь знатоку детских текстов вспоминаются два наиболее известных воплощения этого образа: поэтическая «крокодилиада» К. И. Чуковского и прозаическая сказка Э. Н. Успенского «Крокодил Гена и его друзья». Но детская литература XX в. в целом и поэзия в частности «знают» и других крокодилов: например, С. Чёрный «Крокодил», Н. Гумилёв «Мореплаватель Панзаний», Ю. Коваль «Удивительная грядка», И. Токмакова «Крокодилы», С. Козлов «Крокодил», В. Орлов «Кроко-роко-коко-дил», А. Усачёв «Как кричит крокодил?», В. Лунин «Крокодил» и многие другие.

Более того, образ крокодила неоднократно привлекал внимание культурологов и литературоведов [1, 2]. Возможно, интерес к нему обусловлен тем, что на протяжении истории его развития семантика образа многократно менялась. Крокодил воспринимался в разных культурах как образ мифологический и даже демиургический [1, с. 150]; выступал «в роли коварного собеседника и обманщика, послужив в этом качестве названием одному из известных античных парадоксов, так называемому “крокодилову силлогизму”» [1, с. 152]; в Средневековье стал поводом для нравоучительной теологической дидактики [1, с. 156]. В русской культуре слово «крокодил» до XII–XVII вв. оставалось пустым в сигнификативном аспекте, а позже стало символизировать в религиозных текстах демоническое, дьявольское начало [1, с. 166] либо в политическом контексте превратилось в «эмблематический атрибут дикости и варварства» [1, с. 177].

Исследователь детской литературы М. С. Петровский сопоставил сказку К. Чуковского «Крокодил» с сатирическим произведением Ф. М. Достоевского «Крокодил. Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже» [3, с. 14]. Подхватывая это со-

поставление, современные литературоведы рассуждают о том, что образ крокодила знаменует собой границу между двумя пространственными слоями, реальным и фантастическим [4, с. 218]. В детской поэзии второй половины XX в. фантастическая «крокодилиада» переплетается с бытовым абсурдом: «У меня на грядке – / Крокодил / Прарстет!!!! // А в реке Москва-реке / Огурец живет! // Осенью на грядке / Крокодил / Пospel! // Огурец в Москве-реке / Всех лягушек съел! <...>» (Ю. Коваль «Удивительная грядка») [5, с. 8]. Стихотворение Ю. Ковалья представляет «перевертыш», вариант жанра небылицы, который, действуя «от обратного», помогает гармонизировать детское представление об упорядоченности устройства мира. Представители флоры и фауны в стихотворении «Удивительная грядка» меняются местами, образный параллелизм основывается на внешнем сходстве объектов: огурец/крокодил (цвет, форма, шероховатость кожи), бегемот/кабачок (форма, цвет). При этом конкретика локализации крокодила (Москва-река) позволяет прочитывать последнее двустишие, рамку текста как генерализацию, рассчитанную на «взрослую» рецепцию, выход от персонального к национальному: «Ох! Когда ж на грядке / Будет все в порядке?!» – ламентации по поводу вечного беспорядка на общей «грядке».

Причастность крокодила к конкретному локусу, как в стихотворении Юрия Ковалья, для современной детской поэзии, скорее, исключение, чем правило. Если образ крокодила для Чуковского был связан с Петербургом [4, с. 217], то в стихотворениях второй половины XX в. крокодил, как это свойственно фигуре абсурда, возникает в любом месте, не обязательно географически маркированном или связанном с водой: не только у неопределенной реки (В. Орлов «Кроко-роко-коко-дил») или в ванне (И. Шевчук «Объявление»), но, например, на лестничной площадке: «Прошу вас, не надо съезжать по перилам, / Вы можете в зубы по-

пасть крокодилам! / Они притаились на каждой площадке / И всех, кто съезжает, хватают за пятки / И тащат на дно африканского Нила. / Прошу вас, не надо съезжать по перилам!» (И. Токмакова «Крокодилы») [6, с. 36]. Шутливая дидактика И. Токмаковой имеет второй смысловой полюс, предполагающий условность реальности, способность к хронотопическому сдвигу («каждая площадка» смыкается с «африканским Нилом»).

В стихотворениях сибирских авторов конца XX – начала XXI в. также складывается своя «крокодилиада». Образ крокодила не появляется в той лирике, которую можно отнести к реалистической эстетике (в стихотворениях о природе, натуралистических зарисовках о животных). Тот научно-популярный аспект, к которому призывала Н. К. Крупская, критикуя сказку К. И. Чуковского [7, с. 14], по-прежнему остается за границами интереса поэтов. Можно сказать, что присутствие данного образа в тексте сибирских авторов само по себе становится свидетельством игровой природы стихотворения.

В сибирском детском тексте крокодил – это образ «остраненный» (В. Шкловский). Монструозность чужеземного хищника сродни «демонстративности», что позволяет наделять его яркими сказочными чертами, уходя от зоологического правдоподобия. Отталкиваясь от какого-то одного знакового признака, поэты создают гротескное изображение. Правда, в некоторых стихотворениях семантика образа принципиально не определена: «Целый день ходила Мила / у вольеры крокодила. // Видно, этот крокодил / чем-то Миле угодил!» (А. Бергельсон «Мила и крокодил») [8, с. 14]. Акцент здесь переносится с содержания на поэтику. В миниатюре Александра Бергельсона главной становится аллитерация, проявленная в рифменных парах: ходила – Мила; Мила – крокодила; крокодил – угодил. Сонорный согласный звук «л» и созвучие «ил» создают ощущение водяной стихии. Что касается раскрытия образа, то в данном случае в стихотворении присутствует единственный признак крокодила – его загадочность («чем-то угодил»).

Таинственность, странность, входящая в семантический ореол этого образа в качестве одного из постоянных признаков, приводит к своеобразному оборотничеству. Крокодил может превращаться в другой объект (в том числе неодушевленный): «Если бы вдруг, / поселившись в болоте, / целыми днями, / как на работе, // грозно зевая, / лежало бревно: / грело бока бы / на солнце оно // <...> Только понравилось / это кому бы – / вдруг у бревна / обнаруживать зубы? // Помните: если / в болоте бревно – / может быть и / крокодилом оно!» (А. Олеар «Бревно») [9, с. 104]. Метафорическое допущение в стихотворении основывается на внешнем сходстве бревна и крокодила и на непод-

вижности последнего. Стихотворение отвечает детским представлениям о чудесности мира, способности вещей к бесконечным перевоплощениям. В основе образного сравнения и метаморфозы может быть и зеленый цвет хищника: «Время елку наряжать, / а куда за ней бежать? / Ищет лев и там, и тут – / бесполезно! Не растут. / Видит: дремлет крокодил. / Крокодила нарядил: / он зеленый круглый год / и за елочку сойдет! // Хороводы водят мило / львята возле крокодила» (Д. Сиротин «Африканский Новый год») [10, с. 26]. Помещая образ в несвойственные для него «декорации», Д. Сиротин не только выстраивает сказочный сюжет, но и добивается двойного парадокса: игры с категориями живое/неживое, север/юг.

Интересно, что связь образа крокодила с зимой и конкретно с Новым годом появляется в сибирских текстах неоднократно. Этот мотив используется авторами по-разному. Так, в стихотворении А. Олеара «Грусть» крокодил включен в число чужеземных (не сибирских) животных; все они связаны с новогодним праздником и одновременно обособлены от него: «Если грустно африканскому Слону / и вздыхают Тигры, глядя на луну, / чем-то очень опечален Бегемот, – / их никто не пригласил на Новый год! / Если горько-горько плачет Крокодил – / значит, целый год на Елку не ходил!» [11, с. 73]. Поэтическая игра предполагает отстраненность персонажей в силу их чуждости, непричастности к определенному пространству, но также их потенциальную возможность появиться на празднике. Если учитывать, что Новый год традиционно связывается в детской литературе со сказочными чудесами и превращениями, становится явным мотив перевоплощения, маски (крокодил, слон, тигр могут быть самостоятельными героями или детьми, надевшими соответствующие костюмы).

Стихотворение Н. Ярославцева «Синий крокодил», давшее название соответствующему сборнику, строится на основе устойчивого выражения «посинеть от холода». Попадая в Сибирь, крокодил теряет свой устойчивый признак – зеленый цвет: «По заснеженному полю / Бегал синий крокодил. / В это время школьник Толя / Мимо поля проходил. // – Отчего такой Вы синий? – / В страхе Толя произнес. / – Оттого, что з-здесь, в Р-россии, / З-зам-мечательный м-мороз!» [12, с. 139]. Синий крокодил теряет свое анималистическое правдоподобие, попадая в чуждое для него пространство Сибири. Стихотворение приобретает имагологический конфликт: в восприятии школьника Толи крокодил противопоставлен «своему», сибирскому как «чужое», из некоего отдаленного мира, где проживают странные, монструозные животные.

Таким образом, способность крокодила к метаморфозам разного характера актуализирует в си-

бирской детской поэзии конфликт своего и чужого или варианты его преодоления.

Анализируя образ крокодила в современном фольклоре (на материале анекдотов), исследователи намечают несколько константных смысловых признаков, связанных с ним: хищный образ жизни и питание людьми; физическая непривлекательность; абсурдное поведение [13, с. 350]. В детской поэзии семантический ореол образа крокодила неоднозначен, но есть повторяющиеся смысловые «узлы», которые перекликаются с фольклорной рецепцией.

Безусловно, главным качеством крокодила, обыгрываемым в стихотворениях, становится его всеядность. При этом прожорливость зверя неизменно гиперболизируется. Даже если в тексте есть лишь намек на хищность, предполагается усиление: «Крокодилу крокодил / в день рожденья угодил: // другу дарит старый друг / зубочисток / тыщу / штук!» (А. Бергельсон «Угодил!») [8, с. 70]. Гипербола не только отражает склонность ребенка к преувеличению (детское «тыща» в этом случае – бесконечно много), но и участвует в поддержании гротескности анималистического образа. Прожорливость крокодила проявляется как в его людоедстве: «Плачет глупый крокодил: / Зуб больной лечить ходил, / Но не вышло – сгоряча / До леченья съел врача...» (Д. Сиротин «Не рассчитал») [14, с. 21], так и в его всеядности: «Паровоз пыхтел, стучал, / Паровоз вагон качал, / Мчался, мчался паровоз, / Крокодила в отпуск вез. // Ехал к морю крокодил, / По буфетам не ходил, / Но в пути не голодал – / Шашки-шахматы глодал. // Съел кроссворд за чашкой чая, / Пожевал журнал, скучая, / Похрустел, смотря в окно, / Черно-белым домино, // Слопал, словно бутерброды, / Карт игральных три колоды, / Нарды съел, / За ними вслед / На десерт / Уплел / Билет» (А. Ерошин «Меню») [15]. В коротком стихотворении А. Ерошина используется семь разных глаголов с семантикой еды. Композиция стихотворения с динамичной кумулятивностью отсылает к английскому игровому тексту «Robin the Bobbin» (интересно, что в английском тексте глагол «съел» повторяется также семь раз), который перевели С. Я. Маршак и К. И. Чуковский. «Произнося ритмичные, напоминающие игровую считалку строки, ребенок невольно втягивается в предложенную поэтом игру со словом и смыслом и, играя, усваивает дух родного языка, приобретает вкус и понимание оттенков речи. От эпизода к эпизоду сюжет стремительно развивается. Динамике сюжета соответствует язык стихотворения: в его лексике преобладают глаголы» [16]. Съедение несъедобных предметов актуализирует принцип нонсенса. Детали в стихотворении А. Ерошина объединены мотивом игры (шашки, шахматы, игральные карты, нарды). Автор продуцирует игро-

вую реальность, которая воспринимается читателем как смеховая, сказочная. И в миниатюре Д. Сиротина «Не рассчитал» и в тексте А. Ерошина «Меню» поведение крокодила алогично. Своей прожорливостью он вредит себе, съедая в первом случае доктора, а во втором – проездной документ. Крокодил воспринимается не как агрессор, а как жертва абсурдности собственного поведения.

Отдельного внимания заслуживает стихотворение Н. Ярославцева «Кто откусил половину луны?»: «Кто откусил половину луны? / Может, гиены? А может, слоны? / Может, голодный и злой крокодил / Мимо румяной луны проходил, // Клацнул зубами из всех своих сил!.. / И половину луны откусил... / Светит теперь посреди тишины / Мне и тебе половинка луны» [12]. Внутритекстовый конфликт отсылает к сказке К. И. Чуковского «Краденое солнце»: «А в Большой Реке / Крокодил / Лежит, / И в зубах его / Не огонь горит, – / Солнце красное, / Солнце краденое» [17, с. 12]. В обоих случаях крокодил «воплощает мифического пожирающего» [18, с. 303] небесного тела. Однако авторские идеи различны. К. Чуковский использует народную мифологию. Солнце здесь – символ радости, жизни. Исчезновение солнца и погружение мира во тьму оказываются всенародной трагедией, которая требует своего спасителя, народного героя – медведя. Сказка Чуковского остросюжетна. Н. Ярославцев отказывается от острого конфликта, его стихотворение тяготеет к элегичности; не случайно солнце заменила луна, противопоставленная ему: «начало женское, пассивное, темное, холодное» [19, с. 610]. Это попытка создать определенное – ночное, таинственное – настроение, связанное с лунарным циклом и появлением месяца. Крокодил поставлен в ряд таких же «мистических» (то есть не очень известных ребенку, удаленных) животных, и его «преступление» гипотетично. Стихотворение Н. Ярославцева ставит своей целью развитие у читателей фантазии, художественного видения мира.

Во многих из приведенных выше стихотворений крокодил не имеет устойчивой среды обитания. С ним связан мотив перемещения (не важно, путешествовать ли в поезде или лететь по небу).

Еще один устойчивый комплекс семантических коннотаций, связанный с образом крокодила, эксплуатирует идею «крокодилийх слез». К. А. Богданов отметил, что уже к концу XVIII в. «олитературный образ плачущего крокодила... отрывается от исходного нарративного контекста и нередко контаминирует „разносюжетные“ детали. Неизменной остается дидактика, а не детали: так, слезы над жертвой превращаются в притворные слезы, приманивающие жертву. <...> В современном языке словоупотребление фразеологизма „крокодилий

(или крокодиловы) слезы“ существует безотносительно к зоологическому вопросу о том, плачет крокодил или нет. Для современников Симеона Полоцкого и даже В. Т. Нарезного ситуация выглядела иным образом. Моральные характеристики животных не просто дополняют их ученое описание, но составляют его обязательный атрибут» [1, с. 158]. Сибирская поэзия продолжает воспринимать крокодилий слезы как обман, коварство агрессора: «...Только злобный крокодил / Улыбаться не любил. // Льет он, глядя на козу, / Крокодилову слезу: // – Жаль бедняжку, спасу нет – / Через пять минут обед...» (Н. Ярославцев «Кто не любит улыбаться?») [12]. Однако встречается и противоположный вариант объяснения причины крокодилий слез, как в поэзии А. Олеара, где крокодил – существо удаленное, диковинное, а потому – одинокое и непонятое. Тему грусти, отраженную в приведенном ранее одноименном тексте, можно сопоставить с настроением стихотворения А. Олеара «Крокодилий слезы»: «...Он внешне, / конечно, / как пугало – страшный, / зубастый и хищный, / но в сердце большом – / родное болото, – / и мама, / что знала его малышом» [11, с. 44]. Идея стихотворения – толерантность в отношении отличающегося от тебя Другого. У Олеара крокодил предстает

жертвой сложившихся стереотипов: «...Людьми / зачем-то придуманы / страшные сказки / о тех крокодилах, / что были детьми».

Так или иначе образ крокодила, явленный в современной сибирской поэзии для детей, во многом опирается на традицию детской поэзии XX в., подхватывает мотивы сложившейся «крокодилиады». Получает отражение, в частности, мотив пожирания небесного тела из сказки «Краденое солнце». Однако в отличие от творчества К. И. Чуковского, у которого хищник «лишен скучной однозначности: то он обыватель, то злодей, то примерный семьянин, то пламенный борец за свободу, то, наконец, приятный „старик“» [18, с. 301], современная поэзия не ассимилирует образ, примиряя его с актуальными реалиями. Здесь крокодил остается гротескной фигурой «чужого», склонного к мистификациям и метаморфозам как во внешнем облике, так и в поведении.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Томской области в рамках научного проекта № 15-14-70005а(р) «Творчество сибирских писателей и сибирская тема в литературе XX–XXI веков для детей и юношества».

Список литературы

1. Богданов К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М.: Новое лит. обозрение, 2006. 352 с.
2. Беззубцев-Кондаков А. Когда крокодилы были левиафанами... Крокодил в русской литературе: от Федора Достоевского до Эдуарда Успенского // Топос. Литературно-философский журнал. URL: <http://new.topos.ru/article/4532> (дата обращения: 30.10.2016).
3. Петровский М. С. Крокодил в Петрограде // М. Петровский. Книги нашего детства. М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. С. 11–116.
4. Квак Х. М. Тема Петербурга в творчестве К. И. Чуковского // Ученые записки Орловского гос. ун-та. Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6. С. 216–219.
5. Коваль Ю. Сколько хочешь крокодилов. М.: Самокат, 2016. 80 с.
6. Токмакова И. П. Где спит рыбка? М.: Махаон, 2015. 96 с.
7. Крупская Н. К. О «Крокодиле» Чуковского // Книга детям. Ежемесячный журнал, посвященный вопросам детского и юношеского чтения. 1928. № 2. С. 13–16.
8. Бергельсон А. Л. Ура для комара. Стихи для детей и их родителей. Томск: Карусель, 2007. 96 с.
9. Олеар А. М. Жираф в городе. Стихи для детей и их родителей. Томск: Карусель, 2007. 128 с.
10. Сиротин Д. Почему у кита нет ушей? Стихи о животных. Ростов н/Д: Феникс, 2014. 31 с.
11. Олеар А. М. Чистая правда. Стихи для мальчишек. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. 144 с.
12. Ярославцев Н. В. Синий крокодил // Персональный сайт Н. В. Ярославцева. URL: <http://nikolyaroslavtsev.jimdo.com/> (дата обращения: 14.10.2016).
13. Полинченко Д. Ю., Набиуллина Т. В. Образ крокодила в современном русском анекдоте // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного ин-та. 2013. № 1 (5). С. 346–351.
14. Сиротин Д. Поучительные истории. М.: Суфлёр; Ростов н/Д: Феникс, 2013. 31 с.
15. Ерошин А. Персональный сайт. URL: <http://vostrelok.narod.ru/content/stihidet.html#77> (дата обращения: 02.11.2016).
16. Аутлева Ф. А. Лексико-семантические особенности переводов С. Я. Маршака // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-semanticheskie-osobennosti-perevodov-s-ya-marshaka> (дата обращения: 09.11.2016).
17. Чуковский К. И. Краденое солнце. М.: Мелик-Пашаев, 2014. 16 с.
18. Арзамасцева И. Н., Николаевна С. А. Детская литература: учеб. для студентов высш. пед. учеб. заведений. 7-е изд. М.: Академия, 2011. 576 с.
19. Иванов В. В. Лунарные мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 2008, 719 с.

Губайдулина Анастасия Николаевна, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36. Томск, Россия, 634003). E-mail: gubgub@ngs.ru

Материал поступил в редакцию 17.11.2016

DOI 10.23951/1609–624X-2017-2-108-113

IMAGE OF CROCODILE IN THE CONTEXT OF MODERN SIBERIAN LITERATURE FOR CHILDREN

A. N. Gubaydullina

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

In the twentieth century the literature for children creates its own tradition of using of crocodile image. Korney Chukovskiy pioneered the use of this image. His version of the character has become very well known, researchers have linked it with the manifestation of the spirit of St. Petersburg. In the second half of the century, the authors repeatedly use the image of crocodile. It makes sense to refer literary works that explore this type, such as a book by K. A. Bogdanov “About crocodiles in Russia. Sketches from the history of borrowing and exoticisms” (2006). This animalistic exoticism reflects the intention of poetry to express the absurd, paradoxicalness.

The latest Siberian literature for children also uses this exotic image. We explore texts of poems by several authors of contemporary Siberian poetry for children such as Bergelson, Sirotnin, Eroshin, Olear in order to illustrate changes in the mythology of crocodile, and in the deployment of this icon. Conflict of friend-or-foe is developing in the regional literature. Rare animal loses its naturalistic features. In poems this monster is able to evolve constantly. This paper presents the typology of the different animalistic signs, describes the process of image formation. It is an attempt to develop a theoretical basis for the perception of this image. The study concludes that the image of crocodile expresses many symbolic meanings of particularly convincing way, with preservation of artistic and emotional integrity.

Key words: contemporary poetry for children, Siberian poetry, animist traditions, image of crocodile.

References

1. Bogdanov K. A. *O krokodilakh v Rossii. Ocherki iz istorii zaïmstvovaniy i ekzotizmov* [About crocodiles in Russia. Sketches from the history of borrowings and exoticisms]. Moscow, Novoye lit. obozreniye Publ., 2006. 352 p. (in Russian).
2. Bezzubtsev-Kondakov A. *Kogda krokodily byli levianami... Krokodil v russkoy literature: ot Feodora Dostoevskogo do Eduarda Uspenskogo* [When the crocodiles were Leviathans... Crocodile in the Russian literature: from Fyodor Dostoevsky to Eduard Uspenskiy]. *Topos. Literaturno-filosofskiy zhurnal – Topos. Literary and philosophical journal*. URL: <http://new.topos.ru/article/4532> (accessed 30.10.2016) (in Russian).
3. Petrovskiy M. S. *Krokodil v Petrograde* [Crocodile is in Petrograd]. *M. Petrovskiy. Knigi nashego detstva* [The books of our childhood]. Moscow, Izd-vo Ivana Limbakha Publ., 2008. Pp. 11 – 116 (in Russian).
4. Kvak Kh. M. *Tema Peterburga v tvorchestve K. I. Chukovskogo* [The theme of Petersburg in the works of K. I. Chukovskiy]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Memoirs of Oryol State University. Humanities and social sciences*, 2011, no. 6, pp. 216–219 (in Russian).
5. Koval' Yu. *Skol'ko khochesh krokodilov* [So many crocodiles as you want]. Moscow, Samokat Publ., 2016. 80 p. (in Russian).
6. Tokmakova I. P. *Gde spit rybka?* [Where fish sleeps?]. Moscow, Makhaon Publ., 2015. 96 p. (in Russian).
7. Krupskaya N. K. O “Krokodile” Chukovskogo [On the “Crocodile” by Chukovskiy]. *Kniga detyam. Ezhemesyachnyy zhurnal, posvyashchennyy voprosam detskogo i yunosheskogo chteniya* [The book for children. Monthly magazine devoted to the issues of children and youth reading]. 1928, no. 2, pp.13–16 (in Russian).
8. Bergel'son A. L. *Ura dlya komara. Stikhi dlya detey i ikh roditeley* [Hooray for mosquito. Poems for children and their parents]. Tomsk, Karusel' Publ., 2007. 96 p. (in Russian).
9. Olear A. M. *Zhiraf v gorode. Stikhi dlya detey i ikh roditeley* [Giraffe in the city. Poems for children and their parents]. Tomsk, Karusel' Publ., 2007. 128 p. (in Russian).
10. Sirotnin D. *Pochemu u kita net ushey?* [Why whale has no ears?]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2014. 31 p. (in Russian).
11. Olear A. M. *Chistaya pravda. Stikhi dlya mal'chishek* [Pure truth. Poems for boys]. Tomsk, Publishing house of Tomsk State University Publ., 2002. 144 p. (in Russian).
12. Yaroslavtsev N. V. *Personal'nyy sayt* [Personal web site]. URL: <http://nikolyaroslavtsev.jimdo.com/> (accessed: 14.10.2016) (in Russian).
13. Polinichenko D. Yu., Nabiullina T. V. *Obraz krokodila v sovremennom russkom anekdote* [The image of a crocodile in a modern Russian anecdote]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo gumanitarnogo instituta – Bulletin of the North-Caucasian Institute of Humanities*, 2013, no.1 (5), pp. 346–351 (in Russian).
14. Sirotnin D. *Pouchitel'nye istorii* [Instructive stories]. Moscow, Prompter Publ., Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2013. 31 pp. (in Russian).

15. Eroshin A. *Personal'nyy sayt* [Personal web site] (in Russian). URL: <http://vostrelok.narod.ru/content/stihidet.html#77> (accessed 02.11.2016).
16. Autleva F. A. *Leksiko-semanticheskiye osobennosti perevodov S. Marshaka* [Lexico-semantic features of translation of poems by S. Marshak]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye – The Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and the Arts*, 2008, vol. 1 (in Russian). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-semanticheskie-osobennosti-perevodov-s-ya-marshaka> (accessed 09.11.2016).
17. Chukovskiy K. I. *Kradenoye solntse* [Stolen sun]. Moscow, Melik-Pashayev Publ., 2014. 16 p. (in Russian).
18. Arzamastseva I. N., Nikolaeva, S. A. *Detskaya literatura: uchebnyk dlya studentov vysshykh uchebnykh zavedenii* [Literature for children: textbook for students of higher educational establishments]. Moscow, Akademiya Publ., 2011. 576 p. (in Russian).
19. Ivanov V. V. *Lunamyemye mify* [Lunar myths]. *Mify narodov mira. Entsiklopediya. Tom 2* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia. Vol. 2]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 2008, 719 p. (in Russian).

Gubaydullina A. N., National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: gubgub@ngs.ru